

 HARLEQUIN

Энни Уэст

САМАЯ
НЕПОКОРНАЯ
ЖЕНА

 Зарем

005

Гарем – Harlequin

Энни Уэст

Самая непокорная жена

«Центрполиграф»

2017

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

Уэст Э.

Самая непокорная жена / Э. Уэст — «Центрполиграф»,
2017 — (Гарем – Harlequin)

ISBN 978-5-227-08000-4

После смерти отца, шейха Джейрута, принцесса Жизлан оказывается в заложницах у своего троюродного брата Хусейна аль-Рашида. Прозванный Железной Рукой, отважный и безжалостный воин Хусейн полон решимости занять освободившийся трон и для достижения этой цели намерен жениться на Жизлан. В случае ее отказа он угрожает взять в жены ее малолетнюю сестру. Жизлан вынуждена уступить, но она уверена, что это будет лишь фиктивный брак. Однако у Хусейна совсем другие планы на нее...

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-227-08000-4

© Уэст Э., 2017
© Центрполиграф, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Энни Уэст

Самая непокорная жена

The Desert King's Captive Bride © 2017 by Annie West «Самая непокорная жена»

© «Центрполиграф», 2018

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2018

Глава 1

Выходя из самолета, Жизлан на мгновение остановилась, поправляя темно-зеленую юбку и пиджак. Ее рука немного дрожала. Она никогда не была близка со своим отцом, который больше интересовался своей страной, чем дочерьми. Но его внезапная смерть в пятьдесят три года потрясла ее.

С гор дул прохладный вечерний ветерок, и Жизлан подумала, как было бы приятно путешествовать в удобной повседневной одежде. Но она была дочерью шейха, и это накладывало на нее определенные обязательства.

Распрямив плечи, она начала медленно спускаться по трапу, чувствуя, что ее ноги дрожат. Но она не могла позволить себе упасть. Сейчас она более чем когда-либо должна была выглядеть спокойной. Пока не будет назван наследник ее отца, она, как старшая дочь, должна будет управлять страной.

Кто будет этим наследником, Жизлан не знала. Перед смертью ее отец собирался снова жениться, чтобы родить наследника мужского пола.

– Миледи, – окликнул ее управляющий отца, Азим.

Если кто-то и пользовался полным доверием ее отца, это был Азим, бывший его правой рукой в течение многих лет.

Жизлан быстро подошла к старику.

– Добро пожаловать, миледи. Какое счастье, что вы приехали.

– Как я рада видеть тебя, Азим.

Игнорируя протокол, Жизлан взяла его за руки.

– Ваше высочество!

Азим бросил беспокойный взгляд на выстроившийся у трапа караул. Но Жизлан проигнорировала его.

– Азим, как ты?

Она знала, что смерть ее отца была страшным ударом для него.

– Я в порядке, миледи. Но это я должен спрашивать вас... – Он помедлил, собираясь с мыслями. – Я сочувствую вашей потере. Ваш отец был не просто выдающимся главой страны. Он был оплотом нашей демократии и защитником для вас и вашей сестры.

Жизлан кивнула. После его смерти страна не свернет с пути демократии, а что касалось Мины и ее самой, они давно уже не ждали поддержки со стороны отца. Его будут помнить как великого политического деятеля, но печальная правда состояла в том, что ни Жизлан, ни ее младшая сестра не были убиты горем при известии о его смерти.

Когда они подошли к терминалу, Азим снова заговорил:

– Миледи, я должен сказать вам...

Он взглянул на приближавшихся к ним военных в парадной форме.

– Подождите, миледи, – почти шепотом проговорил Азим, и Жизлан остановилась, услышав в его голосе тревожные нотки. – Я должен предупредить вас...

Но подошедший к ним капитан уже склонился перед Жизлан. Жизлан не знала его, но она отсутствовала больше месяца, и за это время могли произойти разные изменения.

– Миледи, мне поручено сопроводить вас во Дворец ветров.

– Благодарю вас, но мне достаточно моих личных телохранителей.

Она обернулась, но, к своему удивлению, не обнаружили их позади.

Словно читая ее мысли, капитан снова заговорил:

– Полагаю, ваши люди все еще в самолете. У нас новые правила проверки багажа. Но это не должно вас задерживать. – Он снова поклонился. – Мои люди сопровождают вас. Не сомневайтесь, что вы сгораете от нетерпения увидеть принцессу Мину.

Жизлан удивилась. Никому из дворцового штата не пришло бы в голову обсуждать действия членов королевской семьи. Этот капитан и вправду был новичком. Но он был прав. Она действительно горела желанием увидеть сестру.

Жизлан снова обернулась, но не увидела никого из своих сопровождающих. Инстинкт подсказывал ей, что не следует уезжать без них, но теперь она находилась в Джейруте, и ее беспокойство о Мине переросло в панику. Она не могла связаться с ней по телефону со вчерашнего вечера. Ее сестре было всего семнадцать лет. Как она пережила смерть их отца?

– Спасибо. Я ценю вашу помощь, – сказала Жизлан и повернулась к Азиму: – Пожалуйста, объясни, что я поехала во дворец и что у меня надежная охрана.

– Но, миледи... – Азим бросил взгляд на окружавших их военных. – Мне нужно поговорить с вами наедине. Это очень важно.

– Разумеется. Нам нужно будет многое обсудить.

После смерти ее отца, не оставившего наследника мужского пола, было неясно, кто унаследует трон. Чтобы прийти к какому-то решению, понадобится не одна неделя. Сама Жизлан, будучи женщиной, не была наследницей, но ей придется нести бремя государственных дел и поддерживать порядок в стране, пока вопрос с наследством не будет решен.

– Давай встретимся через два часа, – сказала она Азиму.

– Но, миледи... – начал было Азим, но капитан оттолкнул его в сторону.

Жизлан мрачно посмотрела на капитана:

– Если вы собираетесь работать во дворце, вам следует уяснить разницу между уважением и грубостью.

Глаза капитана расширились от удивления.

– Этот человек – мое доверенное лицо. И я желаю, чтобы с ним и с остальными моими людьми обращались уважительно. Это понятно?

Офицер кивнул:

– Конечно, миледи.

Жизлан хотела снова взять Азима за руки, но она торопилась увидеть сестру, поэтому только улыбнулась ему:

– Скоро увидимся и все подробно обсудим.

– Благодарю за то, что проводили меня. – Жизлан остановилась в большом холле дворца. – Однако в будущем вы и ваши люди не должны входить во дворец.

Вооруженным людям не разрешалось ходить по коридорам дворца.

Капитан слегка поклонился:

– Боюсь, что я получил другой приказ, миледи. Прошу вас следовать за мной.

– Приказ? Пока не объявят наследника моего отца, я отдаю приказы.

Но выражение лица капитана осталось каменным. Жизлан встречала множество военных, но капитан не походил ни на одного из них.

– Что здесь происходит?

– Мне приказано сопроводить вас в кабинет вашего отца.

– Кто отдал этот приказ?

Капитан не ответил, но жестом предложил ей пройти вперед. Оправившись от первоначального шока, Жизлан разозлилась. Она была намерена выяснить, что происходит.

Что-то было не так. Жизлан направилась к королевскому кабинету, постукивая каблучками по мраморному полу. Распахнув дверь кабинета, она обнаружила, что там никого нет. Человека, который отдал эти возмутительные приказы дворцовой страже, если это была дворцовая стража, в кабинете не оказалось.

Жизлан оперлась ладонями о стол и глубоко вздохнула. Что бы ни происходило, инстинкт подсказывал ей, что что-то было не так. Она теперь была одна. Ее отца больше не было с ней.

Но у нее не было времени предаваться воспоминаниям. Стражники, похоже, сделали ее своей пленницей, а вовсе не защищали ее.

Она поправила юбку и пиджак и распрямила плечи, готовясь справиться с любой неприятной ситуацией. Внезапно за ее спиной раздался голос:

– Принцесса Жизлан.

Она обернулась, и ее пульс участился при виде огромного мужчины, который вошел в дверь кабинета.

Он возвышался над ней, несмотря на ее высокие каблуки. И он был не просто высоким. Его плечи были очень широкими, а ноги – длинными и мускулистыми. Он был одет в одежду для верховой езды – светлую рубашку и брюки, заправленные в высокие кожаные сапоги. А на талии у него висел нож. Это не был украшенный драгоценностями церемониальный нож, который ее отец носил время от времени. Было видно, что этим оружием пользовались.

– Во дворце не позволено носить оружие, – сказала Жизлан.

Ей было проще сконцентрироваться на этом, чем на взгляде незнакомца, который заставил учащенно биться ее сердце.

Глаза мужчины были серо-голубыми, что не было необычным в Джейруте, расположенном между торговыми путями Европы, Азии и Африки. Но когда он посмотрел на нее, его взгляд сделался ледяным.

Жизлан приподняла бровь. Кем бы он ни был, он не мог похвастаться ни вежливостью, ни знанием придворного этикета. Он выглядел так, словно только что пришел из конюшни. Черные волосы спутанными локонами небрежно спадали ему на воротник, а подбородок зарос щетиной. Казалось, он не брился целую неделю. Он приблизился к ней, и она почувствовала запах конского пота и разгоряченной мужской кожи. Это был странно привлекательный и интригующий запах.

– Это было не слишком дружеское приветствие, ваше высочество.

– Это и не было приветствием. И я предпочитаю, чтобы меня не называли «ваше высочество».

Мужчина не стал убирать свое оружие и не спешил покинуть ее. Вместо этого он, склонив голову набок, принялся рассматривать ее.

Но кто был этот незнакомец, который вошел в кабинет без стука и не потрудился представиться?

– Пожалуйста, уберите ваше оружие, пока вы находитесь здесь.

Мужчина поднял бровь и сложил руки на груди.

«Попробуйте заставить меня».

Он мог с таким же успехом произнести это вслух. И странно, но вместо того чтобы испугаться этого великана, Жизлан почувствовала возбуждение, словно она проснулась от ступора, в котором пребывала после смерти отца.

Она бросила на него высокомерный взгляд:

– Ваши манеры и внешний вид говорят о том, что вы новичок в этом дворце и не знаете, как вести себя в приличном обществе.

Его глаза сузились. Внезапно незнакомец вытащил кинжал из ножен и отбросил его в сторону. Он упал на стол, который ее отец очень любил и который достался ему по наследству. Жизлан посмотрела на царапину, оставшуюся на столе, и злость охватила ее.

– Варвар, – сказала Жизлан, взглянув ему прямо в лицо.

Он даже глазом не моргнул.

– А вы избалованная девица. Но давайте оставим оскорбления и попробуем вести разумный разговор.

Жизлан не привыкла к непочтительному обращению, и впервые в жизни ей захотелось ударить кого-то. Она сделала глубокий вдох и подавила свое желание. Она чувствовала,

что произошло что-то ужасное. Дворец был наводнен незнакомыми людьми и вооруженными охранниками.

Мина! Где была ее сестра? С ней все в порядке?

Страх охватил ее, но она и виду не подавала. Жизлан опустилась в кресло, стоявшее у стола отца, желая показать, что она здесь хозяйка.

– Кто вы такой? – спросила она, довольная тем, что ее голос прозвучал ровно и безразлично.

На мгновение этот холодный взгляд задержался на ней, а затем незнакомец поклонился с удивительной грацией:

– Я Хусейн аль-Рашид, и я приехал из Джумехи.

Жизлан почувствовала, как ее сердце замерло.

Это предвещало большие неприятности.

– Железная Рука Джумехи.

– Некоторые так называют меня.

– И кто может винить их? У вас репутация безжалостного и жестокого человека.

Жизлан задумалась. Хусейн аль-Рашид был сыном шейха Джумехи, главы одной из провинций страны. Хотя она и была частью Джейрута, она обладала автономией и славилась своими бесстрашными воинами.

Жизлан нервно вцепилась в ручки кресла:

– Ваш отец послал вас сюда?

– Никто не посылал меня. Мой отец, приходившийся двоюродным братом вашему, тоже мертв.

Значит, он был ее троюродным братом.

– Примите мои соболезнования, – сказала она.

– И вы примите мои.

Жизлан кивнула. Ей не нравилось, как он смотрел на нее. Словно большой кот, наблюдавший за добычей.

– И что привело вас сюда, вооруженного и без приглашения?

Что-то промелькнуло в его серо-голубых глазах.

– Я здесь, чтобы потребовать корону Джейрута.

Сердце Жизлан на мгновение замерло, а потом бешено забилося в груди.

– Используя силу?

Жизлан смутно удивилась своей способности выглядеть невозмутимо, в то время как ужас сковал ее. Железная Рука во главе ее страны? Он уже через неделю развяжет войну. И все усилия отца и ее собственные пойдут прахом.

Боль пронзила ее.

– У меня нет намерения развязывать гражданскую войну.

– Вы не ответили на мой вопрос.

Он пожал плечами:

– Я не собираюсь сражаться с собственными людьми за корону.

Жизлан немного расслабилась. Но она не доверяла этому человеку. Все в нем вызывало в ней чувство опасности.

– И вы полагаете, что старейшины проголосуют за такого человека, как вы?

– Я уверен, что они придут к выводу, что этот выбор очень мудрый. Учитывая другие счастливые обстоятельства.

– Счастливые обстоятельства? – нахмурилась Жизлан.

– Мою свадьбу.

Жизлан замерла, глядя, как его губы изогнулись в довольной усмешке. Внезапно ей захотелось увидеть, как он выглядит, когда что-то действительно забавляет его. Ее бросило в жар от этой мысли.

– Это еще одна из причин, почему я приехал в столицу. Чтобы жениться.

Жизлан был противен его торжествующий тон. И ей было жаль его невесту, кем бы она ни была. Но он явно хотел произвести на нее впечатление, и Жизлан решила подыграть ему:

– На ком же вы женитесь? Я знаю ее?

Его улыбка сделалась шире, но, когда Жизлан увидела выражение его лица, страх охватил ее.

– Это вы, моя дорогая Жизлан. Я собираюсь жениться на вас.

Глава 2

Глаза ее расширились, и выражение удовлетворения исчезло с его лица. Он ожидал увидеть на ее лице шок, но не ужас.

Он был суровым солдатом, но не монстром. Выражение ее лица заставило его почувствовать себя так, словно он собирается изнасиловать ее, а не оказать ей честь, взяв в жены.

Это была его вина. Он не собирался выкладывать все так сразу. Но высокомерная принцесса спровоцировала его, чего с ним еще ни разу не случалось.

Он должен был ожидать этого. Селим предупредил его, прежде чем он вошел в кабинет, что она совсем не такая, как они ожидали. В ней чувствовалась внутренняя сила. Она даже отчитала Селима, его правую руку, а теперь капитана дворцовой гвардии, за отсутствие манер, и это несмотря на то, что была окружена его солдатами.

Хусейну было жаль, что он не присутствовал при этом.

Но сейчас ему хватало проблем с женщиной, которая оказалась совсем не такой, как он полагал.

Он приложил все усилия, чтобы не окинуть взглядом ее стройное, сексуальное тело. Но память о нем не давала ему покоя, отвлекая от насущных проблем.

Когда он вошел в комнату, она стояла спиной к нему, опершись о стол. Он сразу обратил внимание на ее стройные ноги и округлые ягодицы, обтянутые узкой юбкой. А когда она выпрямилась и поправила одежду, пламя охватило его. А потом она повернулась и посмотрела на него так, словно он был грязью под ее ногами.

Ни один мужчина не посмел бы так смотреть на него. А что касалось женщин, он привык, что они смотрят на него с восхищением.

Но когда принцесса подняла брови и с удивлением посмотрела на Хусейна, его бросило в жар.

– Это нелепо! Я вам не дорогая. И я не давала вам позволения называть меня Жизлан.

Негодование подчеркнуло ее красоту, залив щеки румянцем и добавив блеска глазам. По фотографиям Хусейн знал, что она красива, но все же эти изображения не передавали очарования этой женщины в полной мере. И он понимал, что недооценил ее. Она была достойным противником, и это восхищало его.

– Так как тогда мне называть вас, если не Жизлан?

Он понизил голос, произнося ее имя. Какова она будет на вкус? Сладкой, как сахар, или терпкой, как пряности, если судить по ее темным, горящим глазам.

Хусейн рассматривал ее в качестве инструмента для достижения своих целей, но он не ожидал, что она пробудет в нем желание.

Это было ее несомненным достоинством. Она была страстной женщиной, как бы ни пыталась это скрыть. И безусловно, опытной. В двадцать шесть лет и после долгого проживания в Соединенных Штатах и в Швеции, она не могла быть застенчивой девственницей. Он поежился от предвкушения. Хусейн не слишком хотел жениться, но, если это было необходимо, он предпочел бы иметь жену, которая могла бы удовлетворить его физически.

– Принятой формой обращения является «миледи».

Хусейн намеренно окинул ее медленным взглядом, остановившись на пышной груди, тонкой талии и широких бедрах. Когда он поднял глаза и посмотрел на ее лицо, оно покраснело, но было бесстрастным.

Ей не нравилось, что он разглядывает ее.

Хотя ей следовало бы радоваться тому, что он всего лишь смотрел на нее. То, как она вызовом ответила на его вызов, само по себе было приглашением. Так же, как и напряжение,

повисшее в воздухе. Они могли быть врагами, но Хусейн чувствовал, что они смогут доставить друг другу наслаждение.

– И ваш титул помогает вам чувствовать свое превосходство над простым солдатом? Даже если вы обладаете им только лишь по праву рождения?

Хусейн встречал многих людей, считавших себя выше его по положению. Он был незаконнорожденным, и его мать была бедна и необразованна, хотя ее внешность привлекла его отца. Но уже давно никто не осмеливался смотреть на него с таким высокомерием. С тех пор, как Хусейн стал достаточно взрослым, он может доказать всем, что стал настоящим воином и обладает силой и чувством чести.

– Я полагаю, что стоит придерживаться общепринятых правил вежливости.

Она, не дрогнув, встретила его взгляд, и Хусейн внезапно почувствовал себя пристыженным.

– Как вы уже заметили, мой титул достался мне по наследству. Некоторые сказали бы, что я всю жизнь старалась стать достойной его, но вас, – она холодно улыбнулась, – вряд ли это заинтересует. – Она сделала паузу. – Как мне называть вас?

– Хусейн.

Он был шейхом своей провинции, но скоро станет правителем всей страны, а Жизлан будет его женой. И даже если это всего лишь брак по расчету, он обнаружил, что ему будет приятно услышать свое имя из ее уст.

И внезапно он представил ее обнаженной, прижимавшейся к нему в экстазе и произносившей с придыханием его имя.

Он не мог припомнить случая, когда его так быстро охватило бы вожделение. Виной всему, вероятно, было то, что он многие месяцы был слишком занят, чтобы провести ночь с женщиной.

– Итак, Хусейн, – сказала она ледяным тоном, – каковы бы ни были ваши планы, наш брак невозможен.

– Почему? – Он сложил руки на груди и заметил, что ее взгляд стал напряженным. Если бы речь шла о любой другой женщине, он решил бы, что так в ней проявляется сексуальная заинтересованность. Но Жизлан, возможно, прятала за этим выражением страх. Ему следует помнить об этом. – Вы свободны с тех пор, как шейх Захрата бросил вас.

Это было скандалом века и таким неуважением к Джейруту, которое Хусейн не станет терпеть, когда возглавит страну. Пора было заставить соседей уважать Джейрут.

Жизлан повторила его жест, и на мгновение Хусейн растерялся, глядя на ее вздымавшиеся груди и потаенную ложбинку между ними. Эта женщина обладала оружием, гораздо более опасным, чем ружья и ножи.

– Он не бросал меня. Мой отец познакомил нас, чтобы укрепить торговые отношения с Захратом. А что касается нашего брака... Я с удовольствием посетила прием в Лондоне по случаю его помолвки.

– Но вы не были на его свадьбе.

– Я не смогла присутствовать там. У меня была назначена деловая встреча в другом месте.

– Деловая встреча?

– Каким странным вам это ни покажется, у меня есть деловые интересы.

Это явилось новостью для Хусейна, но он не подал виду.

– Но вы свободны и можете выйти замуж.

Ее брови поднялись в высокомерном удивлении, и Хусейну захотелось обнять ее и поцеловать. Почему-то ее неприступный вид вызвал в нем прилив желания, хотя раньше он не питал слабости к избалованным богатеньким девицам.

– Я не планирую выходить замуж.

– Вам и не нужно планировать. Я уже все спланировал за вас.

– Но...

– Или я чего-то не понял? Разве вы не готовы принять наиболее выгодное предложение? Разве вы не были частью сделки, которую ваш отец хотел заключить с Захратом?

Ему показалось, что в ее глазах промелькнуло выражение боли.

– В отличие от старомодных традиций вашей провинции, здесь женщины имеют право распоряжаться своей жизнью благодаря моему отцу.

Хусейну это понравилось. Он восхищался силой ее духа. Если ему предстоит связать с ней свою жизнь, по крайней мере, это будет интересно.

– Я не причиню вам вреда, Жизлан.

Ему следовало сказать это раньше, но он был слишком увлечен спором с ней. И он не очень-то умел успокаивать женщин. Хусейн возглавлял армию и защищал своих людей. Он хорошо знал женщин, по крайней мере в постели, но не умел вести с ними переговоры. Его жизнь проходила среди мужчин.

На мгновение ему показалось, что он видит ранимую женщину за этим невозмутимым фасадом. Но она тут же исчезла, и на ее месте появилась высокомерная аристократка.

– А моя сестра? Ей вы причинили вред?

– Конечно нет! – Его гордость была задета. Она действительно считала его варваром. – Принцесса Мина находится в своих покоях.

Если он рассчитывал на ее благодарность, он был разочарован. Она лишь холодно посмотрела на него. Но он почувствовал прилив желания и предвкушение от мысли, что со временем укротит эту гордую принцессу.

– Спасибо, – высокомерно произнесла Жизлан. – Это утешает, учитывая незаконное присутствие во дворце вооруженных людей.

Хусейн нахмурился. Несомненно, даже здесь была известна его репутация защитника слабых, особенно женщин. Он не был преступником.

– Вооруженные люди находятся здесь для защиты дворца.

Она снова приподняла бровь:

– А где прежняя дворцовая стража?

– Временно отстранена от своих обязанностей.

– Если вы нанесли вред хотя бы одному из них...

– Никому не причинили вреда. Не было никакой стычки.

В этом не было необходимости. Хусейн прибыл во дворец, чтобы отдать дань своему умершему королю. Как только он оказался внутри и взял в заложницы принцессу Мину, убедить дворцовую стражу не оказывать сопротивления было легко.

– Хорошо. Тогда вы не будете возражать, если я увижусь с капитаном стражи. Настоящим. – Последовало молчание, и Жизлан наклонила голову набок и пристально посмотрела на него. – Если только, конечно, вы не боитесь оказать мне эту любезность.

Эта женщина знала, как уколоть его. Он, Железная Рука Джумехи, боится?! Ни один мужчина не посмел бы предположить это.

Жизлан нервно выдохнула. Разговаривать с этим мужчиной было все равно что обращаться к кирпичной стене. За исключением странного чувства, которое охватывало ее всякий раз, когда он разглядывал ее.

Она должна была быть напугана. Она и вправду беспокоилась, особенно из-за Мины, но в то же время уже много лет не чувствовала себя такой возбужденной.

Она с трудом сдержала улыбку. Ничто не может так взбодрить, как вооруженный захват и угроза плена.

– В чем дело?

Хусейн нахмурился, и можно было подумать, что он озабочен. Но сама эта идея была смехотворна. Он был варваром. Оппортунистом, который пытался извлечь пользу из смерти ее отца.

Он рассматривал ее как рабыню. Так же, как делал ее отец.

Хусейн был прав. Ее отец считал ее и Мину просто способом воплотить в жизнь свои планы. Многие годы Жизлан была послушной дочерью, всегда ставившей превыше всего интересы своей страны. Но отец никогда не выказывал ей свою любовь или признательность. И ему не было дела до ее счастья.

И будь она проклята, если позволит этому... животному указывать ей, за кого она должна выйти замуж. Впервые в жизни Жизлан была свободна выбирать, как ей жить дальше. И она не намерена была связывать свою жизнь с этим варваром.

Она обошла стол и остановилась перед Хусейном аль-Рашидом, запрокинув голову, чтобы заглянуть в его светлые глаза. Она почувствовала исходящий от него запах теплой мужской кожи, но проигнорировала его, как и тот факт, что он явно был привлекательным мужчиной, несмотря на бороду, растрепанные волосы и высокомерный вид.

– И вы спрашиваете меня, в чем дело? – Она горько рассмеялась. – Да ни в чем, за исключением того, что вы захватили мой дворец и требуете, чтобы я вышла за вас замуж. Вы не даете мне повидаться ни с моей сестрой, ни с моими слугами. Откуда мне знать, что с ними все в порядке?

– Потому что я дал вам слово. И я не запрещаю вам повидаться с сестрой.

– Могу я увидеть ее?

– Вы встретитесь с ней, когда мы закончим наши переговоры.

– Вы это так называете?

Жизлан была близка к тому, чтобы потерять выдержку. Она изо всех сил старалась держаться спокойно и холодно, понимая, что только так заставит его воспринимать ее всерьез.

– Конечно.

Он опустил руки, и внезапно Жизлан осознала, насколько близко они стоят друг к другу. От него исходило тепло, которое согревало ее, и она чувствовала непривычное возбуждение. Никогда еще она не находилась так близко к мужчине, источавшим такую откровенную сексуальность. В нем было что-то, что бросало ее в дрожь и одновременно в жар.

– Сначала я хочу увидеться с капитаном дворцовой стражи, чтобы убедиться, что с моими слугами все в порядке.

– Никто не пострадал.

– Прошу прощения, но я хочу убедиться в этом сама. А после этого я хочу встретиться с сестрой.

Она собралась отойти от него, но он схватил ее за запястье.

– Я предпочитаю, чтобы до меня не дотрагивались. Я вам не игрушка, Хусейн. Вам следует знать, что большинство женщин не любят, когда к ним прикасаются против их воли.

– Большинству женщин нравятся мои прикосновения.

Он произнес это с чисто мужским самодовольством. Его глаза сияли, и он явно чувствовал себя неотразимым.

– Это вы так считаете, – прямо встретив его взгляд, сказала Жизлан. – Но я полагаю, многие женщины притворяются, что им нравится такая интимность, просто из страха перед грубой мужской силой. Это что-то вроде самозащиты.

Он резко выпустил ее руку, словно его ударили. Его глаза расширились, и было видно, что он шокирован ее словами.

– Я никогда не использую силу в отношениях с женщинами!

– В самом деле? Тогда как вы назовете ваше намерение жениться на мне? Если это просто предложение, я уже ответила вам отказом.

Жизлан видела, что он сжал челюсти, но не собиралась отступать.

– Это попытка избежать кровопролития.

– Но у нас демократия. И нового шейха изберет Совет старейшин, а потом его кандидатура должна быть одобрена парламентом. Никакого кровопролития не будет. А правда заключается в том, что вы хотите стать королем и готовы прибегнуть к силе для достижения своей цели.

Хусейн нахмурился:

– Даже вы должны признать, что я лучший кандидат на роль правителя. Я единственный родственник вашего отца. И что более важно, я обладаю не только военным опытом, но и опытом правления. Наша свадьба просто сделает это решение более легким и ускорит процесс.

Жизлан приподняла бровь:

– Если вы такой идеальный кандидат, Совет и так проголосует за вас.

– Но на это потребуется время, которого у нас нет. Проблема состоит в том, что мы должны защитить свою независимость. После смерти вашего отца Халарк готовится напасть на нас.

– Чепуха. Мой отец был на грани подписания мирного договора с Захратом и Халарком.

– А теперь, когда он умер, старый эмир Халарка мобилизует армию. Разведка донесла, что он сначала собирается захватить спорные территории, а потом продвинуться дальше.

– Но эти территории принадлежат Джейруту уже две сотни лет.

– И тем не менее я сражался в приграничных конфликтах с тех пор, как научился держать в руках оружие. Вы можете не осознавать этого здесь, в столице, но поверьте мне, он уже готов действовать. И чем больше времени у нас уйдет на то, чтобы назначить главу государства, тем выгоднее это будет ему.

Жизлан открыла было рот, чтобы возразить ему, но передумала. В его словах была доля правды.

– Тогда поговорите с Советом. Убедите их поторопиться с решением.

Хусейн покачал головой:

– Большинство членов Совета за меня, но они не любят спешить. К тому же имеются еще два кандидата, хотя их претензии не так обоснованы. Если Халарк нападет на нас, процесс избрания главы Джейрута вообще отодвинется на неопределенное время. Я должен действовать прямо сейчас.

Жизлан несколько раз медленно хлопнула в ладоши:

– Браво, это замечательное представление. Я чуть было не поверила, что вы жертвуете собой ради страны, добиваясь верховной власти. Но если вы считаете, что я пожертвую своей свободой и выйду за вас замуж, вы ошибаетесь.

– Вы не сделаете этого ради вашей страны?

– Ради моей страны или ради вас?

Она не скрывала своего презрения.

Хусейн нахмурился:

– Мне следовало бы знать, что не стоит многого ожидать от вас. Вы даже не поспешили вернуться домой, когда ваш отец умер. Очевидно, у вас другие приоритеты.

Жизлан задыхнулась от негодования. Она и правда не вернулась в Джейрут, когда ее помолвка с шейхом Идрисом внезапно была расторгнута. Но она сделала это по просьбе отца, чтобы переждать, пока утихнет скандал. А после этого она занималась бизнесом, стараясь заключить сделки, в которых Джейрут так отчаянно нуждался для воплощения в жизнь своих планов.

– Очевидно, новости с опозданием доходят до вашей провинции, – ядовито произнесла Жизлан. – Из-за пепла от вулкана в Исландии все полеты были отменены на несколько дней.

Я прилетела первым же рейсом. Хотя меня не интересует ваше мнение. Я просто никогда не выйду замуж за человека, который с первого же взгляда вызвал у меня презрение.

– Презрение?

– Совершенно верно.

Она вздернула подбородок.

– Тогда как вы объясните это, миледи?

Большие теплые ладони сжали ее плечи, и его лицо склонилось над ней.

Глава 3

Жизлан повернула голову в сторону, но лишь подставила незащищенную щеку этому... бандиту. Теплые губы коснулись ее щеки, и они были мягче, чем она ожидала. У нее перехватило дыхание.

Она не станет кричать. Она не доставит ему удовольствие, обнаружив свой страх. Вместо этого она замерла на месте.

Но она испытывала совсем не страх, когда теплые губы медленно проложили дорожку к ее уху. Жизлан закрыла глаза, удивленная неожиданным ощущением теплоты, которая разлилась в низу ее живота.

Он слегка укусил ее за ухо, и Жизлан подпрыгнула. Ее соски стали очень чувствительными и затвердели. Почувствовал ли он это, прижимаясь к ней всем телом?

– Прекрати это, подонок!

Она уперлась руками в его грудь, пытаясь вырваться из его объятий, но он был выше и сильнее ее. Одним быстрым движением он схватил ее за руки и прижал к своей загорелой мощной груди.

Жизлан увидела огонь, горевший в его голубых глазах, а затем его губы коснулись ее губ. Он впился в них страстным поцелуем, хищным и безжалостным. Это был поцелуй мужчины, желавшего утвердить свою власть над ней.

Страх охватил ее. Пока она с изумлением не осознала, что он слегка отодвинулся от нее, а его губы сделались нежнее.

Жизлан попыталась заглянуть в его глаза, но они были слишком близко от нее. Он ближе прижал ее к себе, и она почувствовала, как затвердела его плоть.

Она ошеломленно ахнула и слишком поздно поняла свою ошибку. Потому что Хусейн аль-Рашид воспользовался этим, чтобы снова прижаться к ее губам.

Но на этот раз он не покорял ее, а соблазнял. Он нежно скользил языком по ее языку, пробуя ее на вкус.

Жизлан с ужасом осознала, что ей доставляет наслаждение его поцелуй. Как в тумане, она боролась с этим удовольствием. Мурашки пробежали по ее телу.

Ее целовали и раньше. Это были приятные поцелуи, которыми она обменивалась с приятными мужчинами. Но никогда она не испытывала ничего подобного. Его поцелуй предлагал ей расслабиться и отдаться на волю приятным ощущениям.

А его твердое тело, прижимавшееся к ней... Это было совершенно новым ощущением для нее. Когда Жизлан училась в университете, она встречалась с мужчинами и целовалась с ними. Но никогда не заходила дальше, опасаясь скандала.

Ни один мужчина еще не заставлял ее желать большего.

Жизлан пыталась найти в себе силы противостоять его напору. Но его поцелуй углубился, стал невыразимо нежным, и она почувствовала, как все ее тело наполняется негой. Ее руки непроизвольно поднялись к его шее и пальцы зарылись в спутанные локоны.

Она пылко ответила на его поцелуй, и он удовлетворенно застонал. Он обхватил ее мускулистой рукой и крепче прижал к себе.

У Жизлан кружилась голова. Она хотела продолжить этот чудовищно непристойный контакт, и ее восхищала сила этого мужчины, который одной рукой легко приподнял ее, словно она была пушинкой. Но больше всего она была сосредоточена на этом сладостном поцелуе и не хотела, чтобы он закончился.

Но это все было неправильно. Строгое воспитание и понятие о чувстве долга заставили ее опомниться.

Жизлан положила руки ему на плечи и изо всех сил оттолкнула его:

– Я не хочу этого. Вы меня слышите? Я этого не хочу! – Ее голос был хриплым и отчаянным. – Отпустите меня!

И она принялась колотить кулачками по его плечам.

Наконец он медленно поднял голову. Его глаза были цвета вечернего неба.

Он моргнул. Потом еще раз. Его взгляд остановился на ее губах, дрожащих и припухших после этого восхитительного поцелуя. К ужасу Жизлан, этот взгляд был сродни ласке.

– Отпустите меня, – снова сказала она, на этот раз более ровным голосом.

Жизлан не понимала, как она могла смотреть ему в глаза после случившегося. Они оба знали, что, несмотря на ее злость, она со страстью ответила на его поцелуй.

Ее бросило в жар. Она сгорала от стыда из-за того, что так легко покорилась такому человеку.

Она пыталась убедить себя, что ответила на его ласки просто из-за своей неопытности. Если бы она знала, чего ожидать, она была бы готова. Она чувствовала, что он считает себя непревзойденным любовником и пользуется своим мастерством ради достижения своих целей.

– Ну-ну, это было интересно, – протянул он хриплым голосом.

– Вы можете теперь отпустить меня.

Его губы сложились в улыбку, которая вызвала негодование у Жизлан, потому что говорила о мужском самодовольстве. Он был доволен собой, потому что она не смогла устоять перед ним. Но, как это ни странно, его улыбка заставила ее сердце биться чаще.

– Вы уверены, что можете держаться на ногах?

Жизлан резко вскинула колено, метя в его самое слабое место, но он стремительно отпрянул. Он был привычен к дракам без правил.

Его руки опустились, освободив ее, и она, судорожно глотая воздух, оперлась о стол.

По крайней мере, ее попытка стерла с его лица самодовольную улыбку.

Жизлан постаралась взять себя в руки и выпрямилась. Она машинально поправила волосы, которые он растрепал. К счастью, она умела закалывать волосы, не думая об этом, как умела спускаться по лестнице в длинном платье, не боясь оступиться, или разговаривать сразу с несколькими послами на разных языках. Годы практики делали некоторые вещи несложными.

Сложным было осознание того, что ее собственное тело предало ее.

– Вы позабавились со мной, – сказала она ровным голосом, потому что невыносимо было дать ему понять, в каком отчаянии она была от своей слабости, – а теперь я хочу увидеться с капитаном стражи, с моими телохранителями, а потом с моей сестрой.

– После того, как мы завершим наши переговоры.

Жизлан покачала головой:

– Это может подождать.

Но Хусейн оставался непоколебим. Жизлан вздохнула:

– Вы не можете не понимать, что я должна повидаться с ними. Я в ответе за них. Теперь, когда мой отец мертв, я обязана заботиться о них. Вы сами чувствовали бы себя так же в отношении солдат, которыми командуете.

Он оценил ее проницательность. Жизлан понимала его лучше, чем он ожидал. Взывать к его чувству ответственности за своих людей было очень умно.

Он не рассчитывал, что хорошенькая принцесса, избалованная с рождения и выросшая в роскоши, будет понимать это всеобъемлющее чувство ответственности. Не говоря уже о том, чтобы разделять его.

Он внимательно посмотрел на нее. На этот раз он попытался увидеть нечто большее, чем прелестный припухший от поцелуев ротик, фантастическую фигуру, безупречную кожу и блестящие черные волосы.

И Хусейн увидел честный, открытый взгляд, прямые ровные плечи, как у солдата, стоящего в карауле, и выражение холодности на лице. Только пульс, бившийся у основания ее шеи, говорил о том, что она не так спокойна, как кажется. И он испытал удовлетворение оттого, что она так же реагирует на него, как и он на нее.

Восхищение ею странным образом смешивалось с раздражением и желанием. Он хотел снова впиться губами в ее губы, щедрые и соблазнительные. И крепко прижать ее тело к своей все еще болезненно затвердевшей плоти.

Он покачал головой, негодуя на себя. Это было не то время, чтобы потакать своим прихотям. На карту было поставлено будущее его провинции и его страны.

– Чего вы хотите? Чтобы я умоляла вас? Только это доставит вам удовольствие?

– А вы на это пойдете?

Хусейн представил ее стоявшей перед ним на коленях с опущенной головой. Но он хотел не этого. С возрастающим возбуждением он осознал, что хочет совсем другого от этой гордой принцессы.

Она приоткрыла губы, и внезапно Хусейн понял, что с него достаточно. Она и так скоро окажется в его постели в качестве жены. А пока он не намерен играть с ней. Ее требования были достойными, и он уважал их.

– Нет, – резко сказал он. – Я не рассчитываю, что вы будете умолять. Подождите здесь. Я пришлю их к вам, чтобы вы смогли убедиться, что с ними все в порядке.

– Не проще ли будет, если я пойду...

– Нет.

Он не мог позволить ей разгуливать по дворцу до тех пор, пока все не будет улажено.

– Отдайте мне ваш телефон, и я пришлю их сюда.

– Мой телефон? – озадаченно спросила она.

– Я не хочу, чтобы вы общались с кем-либо, пока мы не придем к соглашению.

Она посмотрела на телефон, стоявший на столе.

Он покачал головой:

– Стационарные телефоны временно отключены. А все электронные устройства конфискованы.

– Пока вы не завершите ваш государственный переворот.

На мгновение, восхищенный ее смелостью, он забыл о своей ненависти к зарвавшейся элите, которая высосала все соки из страны.

– Пока я не спасу нацию.

Она фыркнула, и это было совсем не по-королевски. Хусейн с трудом подавил улыбку. Несмотря ни на что, он стал испытывать слабость к этому отпрыску королевского рода.

Она повернулась, взяла свою сумочку и вытащила из нее телефон.

– Вот. – Она протянула ему телефон. – Но я рассчитываю, что вы вернете его мне в целости и сохранности. Я сейчас веду важные переговоры и требую, чтобы мои контакты и сообщения не трогали.

Переговоры? С парикмахером? Или бойфрендом? Но Хусейна это не беспокоило. Пока он не даст соответствующих распоряжений, она будет оставаться в изоляции от внешнего мира.

– Телефон вам вернут в полной сохранности. Если вы будете следовать указаниям.

Жизлан подняла бровь, но промолчала. Она уже кое-чему научилась.

– После того как вы убедитесь, что все живы и здоровы, мы поговорим.

И с этими словами он повернулся и вышел из кабинета.

– Правда со мной все в порядке. – Мина сжала руку Жизлан. – Но я рада, что ты здесь.

Жизлан кивнула, с трудом сдерживая ярость. Мине было всего семнадцать лет. Она потеряла отца, а теперь ее еще и держали пленницей в собственном доме.

– Ты уверена, что с тобой все в порядке? Ты ведь рассказала бы мне, если бы с тобой что-нибудь случилось?

– Конечно. Но они не тронули меня. Только забрали мой телефон и лэптоп и сказали, чтобы я не покидала дворец. Но мне необходим Интернет, Жизлан. Это очень важно.

– Важно?

Она испытывала огромное облегчение оттого, что с сестрой ничего не случилось. Она повидалась с капитаном дворцовой стражи, потом со своими телохранителями. А теперь с Миной. Похоже, Хусейн аль-Рашид говорил правду. Никто не пострадал. Переворот произошел легко и бескровно, и было видно, что это работа профессионала.

– Ты слушаешь меня, Жизлан?

– Конечно. – Она улыбнулась. – Но я все никак не могу привыкнуть к твоей новой прическе.

Мина провела рукой по коротко остриженным волосам.

– Когда папа умер, я поняла, что наконец могу делать то, что хочу. – Она посерьезнела. – Я не такая, как ты. Я не могу быть дипломатичной и делать то, чего от меня ожидают. А что касается изучения экономики... – Она содрогнулась.

– Ты хороша такая, какая есть, Мина, – сказала Жизлан, накрывая рукой ее руку. – Ты умная, энергичная и талантливая.

Это казалось предательством по отношению к отцу, но после его смерти Мина наконец могла устроить свою жизнь так, как хотела. Их отец не сможет уже превратить ее в куклу в политической игре, как он поступил с Жизлан.

– На самом деле я взбунтовалась уже давно. Еще до смерти отца, хотя он об этом не знал. – Глаза Мины сияли. – Ты же знаешь, я не хотела идти учиться в этот ужасный экономический институт.

– Я знаю.

Это была часть плана их отца – показать, что женщины в Джейруте могут достичь успехов в любых областях. Поэтому Жизлан получила диплом химика, но она на самом деле интересовалась наукой.

– Так что же ты сделала?

– Я подала заявление в художественную школу. Фантастическую школу во Франции. Ты знаешь, это всегда было моей мечтой. И со дня на день мне должен прийти от них ответ, но у меня нет доступа к моей электронной почте! – В ее голосе зазвучало отчаяние. – Если они готовы принять меня, а я не отвечу им, они не станут ждать.

– Успокойся, Мина. Они подождут, пока ты ответишь.

– Нет, если мы пробудем на осадном положении несколько недель. Что, если Хусейн станет держать нас без связи с внешним миром несколько месяцев?

– Не заводишь. Он не может держать нас взаперти бесконечно. Он хочет, чтобы его объявили шейхом как можно скорее.

И она была важной частью его плана. Но он скоро обнаружит, что она не послушная марионетка. Она никогда не выйдет за него замуж.

– Ты и вправду так думаешь? Я умру, если мне придется учиться в этом экономическом институте, который выбрал для меня отец.

– Никто не заставит тебя делать то, чего ты не хочешь, Мина. Просто расслабься.

Она впервые осознала это. Это было правдой. Как только выберут нового шейха, они смогут покинуть дворец. Хусейн не может заставить ее выйти за него замуж. Ей нужно лишь проявить твердость. Когда он откажется от этой затеи, они смогут устроить свою жизнь так, как им захочется. Мина сможет поступить в художественную школу, а она... Жизлан нахмурилась. Она так давно не думала о том, чего хочет она сама. Она делала то, чего от нее ожидали. И сейчас она не знала, как хочет устроить свою судьбу.

Но теперь она была свободна. И весь мир лежал у ее ног.

– Жизлан? У тебя такой странный вид...

Жизлан улыбнулась. Это не было дежурной улыбкой для официальных мероприятий; она светилась от предвкушения.

– Это потому, что я только что осознала: как только Хусейн аль-Рашид получит желаемое, мы станем свободны и сможем делать то, что хотим. Никто не сможет остановить нас!

– Вы вызывали меня?

Жизлан вскинула подбородок и встретила взгляд серо-голубых глаз. Огромные размеры этого мужчины могут напугать ее, если она проявит слабость. Она предпочла сосредоточиться на этом, а не на том, как внезапно ускорился ее пульс, когда она встретила с ним взглядом.

Враждебность. Недоверие. Вот то, что она испытывала.

Странное возбуждение, которое она почувствовала, когда он повернулся к ней, было следствием осознания, что они с Миной скоро станут свободными, о чем они никогда и не мечтали. Это никак не было связано с воспоминанием о его поцелуе. Или с тем, что светлые брюки и сорочка подчеркивали идеальные пропорции его сильного тела.

– Как всегда, вы предельно вежливы.

Его глубокий, мягкий голос словно обволакивал ее, как теплый бархат. И он, казалось, не был раздражен. Он просто задумчиво смотрел, как она закрыла дверь и медленно подошла к столу.

Этот взгляд смутил Жизлан, и она почувствовала дрожь в ногах.

– Вы рассчитываете, что я буду вести себя так, будто ваши бандиты не наводнили столицу и не взяли меня с сестрой в заложницы?

Жизлан судорожно вздохнула, когда его взгляд оценивающе скользнул по ее телу.

Чепуха. Она вовсе не интересуется его. То, что произошло здесь несколько часов назад, было его желанием утвердить свое господство над ней, а не влечением. Некоторых мужчин заводит власть. Таких, как Хусейн аль-Рашид.

– Вы не сдаетесь, не так ли?

Он облокотился о стол ее отца, словно тот принадлежал ему. Царапина, которую оставил на столе его кинжал, была полускрыта бумагами. Жизлан взбесило то, что он чувствует себя здесь как дома.

– А вы рассчитываете, что я буду обращаться с вами как с дорогим гостем?

– Честно говоря, мои манеры должны меньше всего занимать вас, миледи. Вас должна больше беспокоить угроза Джейруту со стороны Халарка.

– О, но, на ваш взгляд, я всего лишь избалованная принцесса, не так ли? По-вашему, подобные важные вопросы должны решаться вооруженными мужчинами. Теми, которые попирают законы и берут в плен мирных граждан.

В его глазах блеснула сталь, и он что-то пробормотал себе под нос.

Жизлан заложила руки за спину, распрямив плечи и вздернув подбородок. Не было смысла спорить с ним. Как ей ни нравилось дразнить его, это ничего не дало бы ей, кроме удовлетворения. Но ей нужно было думать о тех, кто находится под ее защитой. Она не могла позволить себе ставить их жизнь под угрозу.

– Могу я попросить, чтобы, пока этот дворец находится во власти ваших людей, вы отпустили большинство заложников? Я, разумеется, останусь, но моя сестра еще ребенок, а слуги смогут покинуть дворец до тех пор, пока ситуация не разрешится.

Жизлан с замиранием сердца подумала о том, что Мина находится во власти этого человека. Она была молодой и несдержанной, а Хусейн аль-Рашид не выглядел человеком, способным с пониманием отнестись к этому.

– Разрешится? Вы говорите так, словно я нахожусь здесь временно. Но уверяю вас, миледи, что это не так. Теперь это мой дом.

– Если Совет объявит вас шейхом.

– Я полагаю, что это произойдет через несколько дней. Я уже сообщил им о нашей предстоящей свадьбе.

Жизлан широко раскрыла глаза:

– Вы не имели права делать это.

– Я имею все права. Я пытаюсь спасти страну. Разве вы не видите этого?

– Я вижу лишь человека, готового на все ради власти. – Было чудом, что ее голос прозвучал ровно. – Я не удивлюсь, если вы привели с собой армию, которая окружила столицу и готова начать гражданскую войну.

Он выпрямился и посмотрел на нее с высокомерием и сдержанным гневом:

– Я прощу вас. На этот раз. Когда вы лучше узнаете меня, вы не станете делать таких оскорбительных замечаний.

– Я не собираюсь лучше узнавать вас. Вы не можете заставить меня выйти за вас замуж.

Его губы скривились в усмешке, от которой по спине у Жизлан пробежал холодок.

– Если вы так настроены против меня, миледи, что ж, пусть будет так. – Он сделал паузу. – Я просто вместо этого женюсь на вашей сестре. Ее королевская кровь не хуже вашей. Ей ведь уже семнадцать лет, верно? – Его улыбка сделалась шире. – Не сомневаюсь, что она окажется более податливой.

Сердце Жизлан словно остановилось. Она посмотрела на непреклонного человека, стоявшего перед ней. В нем читалась железная решимость. Она почувствовала, как земля уходит у нее из-под ног.

Когда отец пытался заставить Жизлан выйти замуж за шейха Захрата, тот, по крайней мере, был цивилизованным, образованным и добрым человеком. Но представить Мину, ее невинную маленькую сестричку, во власти этого чудовища...

Жизлан вскинула руку и нанесла Хусейну аль-Рашиду удар прямо в лицо.

Глава 4

Хусейн едва успел уклониться. Удар пришелся по его щеке прежде, чем он схватил ее за руку. Хорошо еще, что они не учили принцесс боксировать. И что его рефлексy были отточены долгими годами тренировок. Она захватила его врасплох, и если бы обладала навыками в борьбе, смогла бы нанести ему ощутимый урон.

Хусейн посмотрел на ее раскрасневшееся лицо. В ее глазах он прочитал жажду крови. Если бы взглядом можно было убить, он уже был бы мертв.

Кто мог подумать, что в ней столько смелости?

Его уважение к ней росло. С каждым мгновением она интересовала его все больше. Сочетание огня и льда. И забота о тех, кто служил ей многие годы, тоже явилась для него неожиданностью. Образ эгоистичной светской пустышки, какой он ее представлял, стал быстро улетучиваться из его головы.

Но больше всего его поражала ее смелость. Даже взрослый мужчина, закаленный в боях, не посмел бы напасть на него.

Его щека горела в том месте, куда она нанесла удар. Селим смеялся бы до потери сознания, узнав, что слабая женщина застала его врасплох.

«Так тебе и надо за то, что дразнил ее», – подумал Хусейн.

Но он не испытывал раскаяния из-за того, что пригрозил жениться на Мине в надежде убедить ее. Эта женитьба была ключом к успеху. Он пошел бы на все ради безопасности своих людей.

Но что такого было в Жизлан, что заставляло его дразнить ее снова и снова? Он не был школьником, пытавшимся привлечь внимание хорошенькой девочки. На кону стояла судьба нации. И было не время пытаться сводить с ней счеты.

Ее глаза ярко блеснули – не от слез, а от ярости. Ее грудь высоко вздымалась с каждым вдохом, и Хусейн почувствовал, как его пронзило нестерпимое желание.

Он хотел ее. Такой, какой она была сейчас. Полной огня и страсти. И ярости, и силы духа.

Он крепче схватил ее за руку, чувствуя, как его плоть затвердела. Она поморщилась, но спустя мгновение ее лицо снова сделалось бесстрастным.

Осознав, как крепко он держит ее руку, Хусейн мгновенно разжал пальцы:

– Простите. Я не хотел сделать вам больно.

Она подняла бровь:

– Вы извиняетесь за это, но не за то, что грозились жениться на моей сестре?

Хусейн пожал плечами. Встав на этот путь, он должен был идти до конца.

– Женитьба на одной из вас поможет мне быстрее укрепиться на троне, чтобы я смог защитить Джейрут. И мне не важно, женюсь ли я на вас или на вашей сестре.

Это была отъявленная ложь. Кто бы захотел связываться с подростком, если бы имел возможность заполучить Жизлан?

С ней, конечно, будет непросто. Она была слишком высокомерна и слишком привыкла все делать по-своему. Но она обладала мужеством и сильным характером, чего он не ожидал. И у нее было потрясающее тело. Ему хотелось снова прижать ее к себе и вкушать медовую сладость ее поцелуя.

– Но Мина еще ребенок!

– Ей семнадцать лет. По нашим законам она уже может вступать в брак.

– Только чудовище может заставить такую молоденькую девушку вступить в брак против ее воли. Благодаря моему отцу и деду эти традиции давно отошли в прошлое.

Хусейн сложил руки на груди и заметил взгляд, который она бросила на него. Такой взгляд женщины обращали на него с того момента, как он повзрослел. Это заставило его усмех-

нуться про себя. Она может притворяться, что ее не влечет к нему, но она, безусловно, испытывала любопытство и сексуальный голод.

– Кто сказал, что я буду ее заставлять?

Жизлан сжала губы:

– Вы считаете себя неотразимым? – Она тоже сложила руки на груди, и он был готов поспорить, что она не осознает, что тем самым привлекла внимание к восхитительной ложбинке между грудями. – Я вас удивлю, Хусейн. Ни я, ни моя сестра не настолько глупы, чтобы влюбиться в такого человека, как вы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.